

М. А. БАБКИН

Духовенство Православной российской церкви и свержение монархии: “священство” против “царства”

В статье освещается положение Православной церкви в императорской России, говорится о недовольстве высшего духовенства участием императора в делах церковного управления, рассматривается политическая позиция духовенства в период Февраля 1917 г. Мотивы действий высшего духовенства объясняются в русле историко-богословской проблемы “священства-царства”.

Ключевые слова: Православная церковь, церковно-иерархическая власть, церковные полномочия императора, революция 1917 г., свержение монархии, восстановление патриаршества.

При обращении к теме “Православная церковь¹ и Февральская революция” историки оказываются перед серьезным выбором. Он обусловлен определенным противоречием. С одной стороны, исторические документы говорят, что члены высшего органа управления ПРЦ – Святейшего правительствующего синода (далее – Св. синод) состава зимней сессии 1916/1917 гг. *in corpore* сыграли одну из важных ролей в свержении монархии в России [Российское... 2008; Андреева 2009; Бабкин 2011, с. 197–395]. С другой стороны, большинство членов того Св. синода причислено к лику святых Архиерейскими соборами Русской православной церкви за границей (1981 г.) и Русской православной церкви (1989, 1992 и 2000 гг.). Соответственно, встает вопрос: чем руководствоваться при анализе действий соответствующих исторических личностей? Материалами Архиерейских соборов или историческими документами? Церковно-иерархическим или научно-историческим подходом?..

На протяжении последнего десятилетия среди историков (главным образом – церковных) активизировалась определенная категория авторов, идеализирующих, во-первых, историю ПРЦ и, во-вторых, считающих обнаружение каких-либо нелицеприятных для

¹ С 1448 г., то есть с начала автокефалии (независимости) Русской митрополии от Константинопольского патриархата, и вплоть до 1943 г. у “господствующей” в России Церкви не существовало официального, юридически зафиксированного наименования. В законодательстве и различной делопроизводственной документации высших органов управления Российской империи она называлась “Православная Российская”, “Российская Православная”, “Всероссийская Православная”, “Всероссийская”, “Православная”, “Российская”, “Русская”, “Русская Православная”, “Российская Православная Кафолическая”, “Православная Кафолическая Грекороссийская”, “Православная грекороссийская”, “Православная Греко-Российская”, “Греко-Российская”, “Российская греческого закона” и “Российская Восточно-православная” церковь. (Нередко в одном и том же документе звучали разные варианты названий.) При этом в начале каждого слова всех этих названий прописные и строчные буквы писались абсолютно бессистемно, и соответствующие аббревиатуры (например, “ПРЦ”, “ПГРЦ”, “РПЦ”) не использовались [Бабкин 2015]. В настоящей работе я буду придерживаться названия “Православная российская церковь” с соответствующей аббревиатурой – “ПРЦ”.

духовенства исторических фактов едва ли не кощунственным: будто бы церковные деятели свободны от человеческих недостатков, слабостей и не способны совершать какие-либо ошибки и творить неблаговидные дела [Вяткин 2010]. Ныне церковные круги, пытаясь взять изучение истории ПРЦ под свое “чуткое руководство” и контроль, стараются создать свою “единолично правильную” версию происходивших в России в первой трети XX в. событий. В создаваемой ими концепции (“благочестивой”, но весьма абстрактной) известные иерархи (в первую очередь, стоявшие в тот период у кормила ПРЦ) до 1917 г. рисуются как верные стражи самодержавия, а после — страдалцы, безвинно претерпевшие мучения от советской власти. При внешне корректных выкладках названные круги, руководствуясь соображениями “церковной политики” и своеобразно понимаемой “церковной пользы”, замалчивают неудобные для себя факты и пишут лубочные образы своих духовных вождей. В частности, они стараются всячески завуалировать роль духовенства в революционном процессе. Тем самым создается весьма идиллическая историческая картина: в первую очередь — отношение высших иерархов к верховной власти в период Февраля 1917 г.

В качестве ярких примеров такого рода работ можно указать на две монографии. Первая (“Иерархия Русской православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху”) создана исследователями из Института российской истории РАН, Российского православного института св. Иоанна Богослова и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Их книга, как говорят сами авторы, — “первый опыт создания совместной монографии представителями Российской академии наук и Русской Православной Церкви”. С первых же ее страниц звучат нотки претенциозности: “Соединение высокого Академического профессионализма с глубокой Православной духовностью — такова сверхзадача совместного научного поиска, призванного способствовать возрождению России” [Лавров, Лобанов, Лобанова, Мазырин 2008, с. 7, 6].

Однако, несмотря на название работы и пафосные слова ее “Введения”, об иерархии Русской Православной Церкви и государстве в революционную эпоху в монографии как раз практически ничего и нет. Например, вместо рассмотрения Первой российской революции — раз пять-шесть упоминается одно только ее название. А Февралю 1917 г. уделена страничка. (Рассматриваемая же хронология “революционной эпохи” фактически распространяется с конца 1850-х до середины 1930-х гг.!) То есть название труда практически не соответствует его содержанию, ибо непосредственно революционная эпоха рассматривается без самих революций и без анализа политической позиции церковной иерархии во время соответствующих событий. Это в полной мере соответствует современной церковной конъюнктуре: всячески обходить проблему “вклада” духовенства ПРЦ в революционное движение вообще и о роли церковной иерархии в свержении монархии в частности.

Практически все сказанное о первой монографии, можно отнести и ко второй — “Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925)”. В ее “Введении” констатируется, что в книге “предпринята попытка уже всестороннего анализа позиции Предстоятеля РПЦ по отношению к власти в общем контексте церковно-государственных отношений 1917–1925 гг.” [Лобанов 2008, с. 7]. Однако об отношении владыки Тихона к свержению монархии, к советской власти на протяжении первых двух ее месяцев, к содержащейся в заточении царской семье, расстрелу Николая II и о прочих “деликатных сюжетах”, характеризующих политические взгляды Тихона (Беллавина) с весьма невыгодной для нынешней церковной конъюнктуры точки зрения, читатель в книге ничего не найдет. В традиционном для церковной историографии ключе с “зонами умолчания” о ключевых моментах взаимоотношений высшего духовенства ПРЦ и Временного правительства работы продолжают создаваться вплоть до последнего времени (см., например, [Рогозный 2008; Соколов 2015]).

Православная церковь в Российской империи

Российская империя и Православная церковь составляли единое церковно-политическое тело, единый организм. И государство (Империя), и Церковь по существу являлись двумя ипостасями этого нераздельного тела, находившегося под скипетром православного самодержца. Один из показателей их единства — невозможность проведения

четкой границы между светским (в привычном ныне понимании) и церковным законодательством. Связь Империи и Православной церкви была в первую очередь сакральной, а не оформленной юридически.

Высшим органом церковного управления (но не власти) был учрежденный 25 января 1721 г. Петром I Святейший правительствующий синод – своеобразное сословное представительство при верховной власти или постоянно действующий “малый церковный собор” (синод, по-гречески – *сὺνοδος*, означает собор). Деятельность синода контролировало назначавшееся императором светское лицо – обер-прокурор Св. синода, официальный представитель власти Его Величества. Юридической основой создания института обер-прокуратуры была необходимость доклада верховной власти о течении церковных дел. На обер-прокуратуре лежали функции охранения государственных интересов в сфере церковного управления и контроля над органами власти ПРЦ в центре (Св. синодом) и на местах (духовными консисториями). Хотя обер-прокуроры и имели практически неограниченные возможности влияния на органы центральной и местной церковной власти, однако этим правом они практически не пользовались, предпочитая не участвовать в деле чисто церковного управления. В целом же компетенция обер-прокурора ограничивалась административным управлением и не распространялась на сферу вероисповедания и церковного права. Юридически участие императора в церковных делах повышало статус ПРЦ и ее постановлений. Акты Св. синода, изданные “по указу Е.И.В.”, в виде указов, уставов или законов вносились в Собрание законов Российской империи.

Единство империи и церкви, основанное на православной вере, хотя и не лишенное недостатков, в целом было очень плодотворным. Империя, поддерживая Русскую церковь морально и материально через институт обер-прокуратуры, избавляла епископат от рутинной бюрократически-канцелярской работы (связанной, например, с хозяйственной деятельностью и поисками источников финансирования), поддерживала ее просветительскую и миссионерскую деятельность. Православной церкви в Российской империи были созданы условия наибольшего благоприятствования. В Основных законах насчитывалось более тысячи статей, оберегавших привилегии и имущественные права ПРЦ. Архиереи фактически были высшими духовными сановниками империи. По Табели о рангах митрополиты, архиепископы и епископы приравнивались к трем первым классам военных и гражданских начальников. ПРЦ, буквально слитая воедино с Российской империей, не обладала правами юридического лица и не имела самоуправления. Хотя такими правами по отдельности были наделены Св. синод, приходские церкви, монастыри, духовно-учебные заведения и прочие церковные структуры, владевшие, например, недвижимым имуществом и капиталами.

Русские цари не видели особого смысла в предоставлении церкви “свободы самоуправления”, поскольку считали ее главной целью христианизацию народа, а именно: совершение богослужений, катехизацию паствы, укрепление нравственности, образованности, почитание праздников, миссионерство и проч. Для этого иерархи фактически и освобождались посредством обер-прокуратуры от мирских дел. Однако те, наоборот, стремились расширить свои государственные функции. Значительная часть епископата считала свое положение в рамках сложившихся в России государственно-церковных отношений неприятным и оскорбительным. Участие царя в церковных делах давало повод для постоянного недовольства духовенства “вмешательством” в церковные дела православного императора (светской-де власти). Наличие в государстве помазанника Божия, так или иначе участвующего в делах церковно-правительственного управления (юрисдикции), в охране вероучения и контроле за церковным благочинием, препятствовало духовенству в получении желаемой и искомой свободы самоуправления.

Поскольку формально ПРЦ была частью административного аппарата империи, это давало основание определенным слоям общественности считать православных священнослужителей прислужниками самодержавия, а также возлагать на ПРЦ долю ответственности буквально за любые ошибки царского правительства, за политические “репрессии” и даже за социальную несправедливость в обществе [Бабкин 2011, с. 29–52]. На протяжении двух предреволюционных столетий в отношениях между ПРЦ

(“священством”) и государством (“царством”) назревал определенный конфликт². Он был вызван тем, что со времен Петра I православные императоры посредством обер-прокуратуры принимали участие в делах внутрицерковного управления. И это вызвало скрытое сопротивление со стороны в первую очередь архиереев.

С рубежа XIX–XX вв. вплоть до начала Февральской революции представителями высшей иерархии ПРЦ предпринимались шаги, направленные на ограничение участия императора в церковном управлении и на “отдаление” церкви от государства. Подтверждением этому служат, в частности, сокращение с января 1900 г. поминовения императора на проскомидии (начальной стадии литургии – центрального христианского богослужения), а также произведенное в феврале 1901 г. сокращение “верноподданнической” части присяги для рукополагаемого в сан епископа и отмена присяги для членов Св. синода. Показателем стремления высшей иерархии повысить свой внутрицерковный статус служат и проходившие в тот период процессы постепенного увеличения богослужебных титулований архиереев, а также учащения поминовений епархиальных преосвященных [Бабкин 2011, с. 160–196].

О желании высшего духовенства ограничить участие императора в церковном управлении свидетельствуют и “отзывы” епархиальных архиереев о церковной реформе, датируемые 1905–1906 гг. В них отражалось недовольство представителей иерархии сложившимся в России строем церковного управления. Об этом, а также о стремлении восстановить в ПРЦ патриаршее управление говорилось и в материалах Предсоборного присутствия (1906 г.), а также Предсоборного совещания (1912–1913 гг.). Названные церковные комиссии предлагали усилить в управлении ПРЦ власть епископата [Бабкин 2011, с. 67–126].

В то же время духовенство едва ли не демонстративно уклонялось от разработки богословского взгляда на царскую власть. В целом оно придерживалось “рациональных” оценок, дававшихся царской власти юристами, политологами и историками. При этом совершенно не выясненными оставались такие вопросы, как церковные полномочия императора и так называемые священные права помазанника Божьего. Даже относительно вопроса, является или нет миропомазание государя церковным таинством, среди иерархии не было единства: одни считали его таинством, другие – наотрез отказывались признавать его таковым, третьи – воздерживались от высказываний о сем предмете [Бабкин 2011, с. 127–132].

В целом деятельность ряда видных иерархов ПРЦ в предреволюционное десятилетие была направлена на “десакрализацию” власти российского императора. Она сводилась к укоренению в сознании паствы представлений о царе не как о духовно-харизматическом “лидере” народа и “Божием установлении” (помазаннике), а как о мирянине, находящемся во главе государства. Духовенство (в частности, члены Синода) стремилось обосновать, что между царской властью и какой-либо иной формой правления нет по сути никаких принципиальных отличий: всякая, мол, власть – “от Бога”. После нескольких безуспешных попыток в 1905–1907 гг. добиться высочайшего разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на “освобождение”, “раскрепощение” Церкви от императорского контроля с возможностью смены формы государственной власти в России в пользу “любой” формы правления [Бабкин 2011, с. 120–121].

² Основной вопрос историко-богословской проблемы “священства-царства” – что выше и главнее: царская или иерархическая власть? Он обусловлен, в свою очередь, следующим рассуждением. Поскольку Господь Иисус Христос есть и Великий Царь, и Великий Архиерей (“Царь царем и Архиерей архиереям”), то кого на земле (в мире дольнем) считать Его “живым образом”? земной “иконой Его первообраза”? – Царя или патриарха? У кого из них выше сакральный статус? Кто из них есть местоблюститель Христов, истинный помазанник Божий? Кто является проводником “воли Божией”? Через кого из них в Священной державе реально осуществляется “Божия власть”? Из этих вопросов вытекают и другие, подобные следующим. Над кем нет никого, кроме Бога: над императором или над патриархом? Кто из них может судить всех, но не быть судим никем? Кто из них двоих, диктуя второму свою волю, переступает своеобразные границы? Кто из них может низлагать другого? И если вспомнить слова Спасителя: “Созижду Церковь Мою...” [Мф.: 16, 18] и “Царство Мое...” [Ин.: 18, 36], то становится ясным, что в личности Христа Церковь и Царство сходятся воедино.

Стремясь увеличить свою власть за счет умаления прав верховной власти в области церковного управления, видные представители высшего духовенства работали, по существу, на революцию. И само “освободительное движение” (в первую очередь — в лице левых и центристских партий) добивалось в принципе аналогичного: ограничения власти царя в пользу “народного представительства”.

Определенным “испытанием на верноподданничество” для высшей иерархии стала Первая российская революция. В это время Св. синод в целом вел себя непоследовательно и весьма противоречиво. С одной стороны, он придерживался своеобразной аполитичности (нередко умалчивая о революционерах и порицая лишь их противников), с другой — старался оказать поддержку правительству. Колебания политической линии высшего органа церковного управления были обусловлены отсутствием у него четкой позиции в отношении к царской власти. Поскольку иерархи рассматривали императора как “внешний для церкви институт”, то, соответственно, они не считали своим долгом проповедовать пастве о необходимости сохранения незыблемости православной империи как единого церковно-государственного “тела”, видя в нем лишь преходящую форму исторически сложившейся русской государственности [Бабкин 2011, с. 133–155].

В целом духовенство с начала XX в. постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, получить возможность самоуправления и самоустроения. Это освобождение отождествлялось с падением царизма, о чем весной и летом 1917 г. духовенством делались признания как в устных проповедях, так и в церковной периодической печати. Основным мотивом соответствующих действий священнослужителей было стремление разрешить многовековую проблему “священства-царства” в свою пользу³.

Духовенство ПРЦ и свержение монархии

Наиболее ярко противостояние высшего духовенства и монархии (в контексте проблемы “священства-царства”) проявилось в первые дни и недели Февраля 1917 г.⁴ При начале революционных волнений в Петрограде высший орган церковного управления — Св. синод смотрел на них безучастно и не предпринял никаких шагов по защите монархии. Поступавшие в те дни к высшему органу церковного управления ходатайства видных сановников империи о необходимости поддержки царского престола остались неслышанными.

Члены Синода фактически признали революционную власть (Временное правительство, сформированное Исполнительным комитетом Государственной думы) уже днем 2 марта, до отречения от престола Николая II. В первых числах того же месяца они вели сепаратные переговоры с Временным правительством: о поддержке духовенством новой власти в обмен на предоставление ПРЦ свободы в самоуправлении. То есть до опубликования официальной позиции Св. синода в отношении совершившегося государственного переворота и церковная, и светская власти двигались друг другу навстречу при осознанном решении “отменить” монархию в России.

³ Используя современный понятийный аппарат, стремления высшей иерархии ПРЦ в предреволюционный период можно вкратце сформулировать следующим образом. Духовенство хотело получить для своей религиозной организации государственную регистрацию (статус юридического лица), право самостоятельно и практически бесконтрольно распоряжаться церковной собственностью, а также стать фактическим монополистом в “посредничестве между миром дольным и горним”. Для осуществления первого необходимо было юридически отделить ПРЦ от “тела” православной империи. Для второго — разграничить церковную собственность и “собственность” империи. Для третьего — так или иначе избавиться от царя (помазанника Божьего) как от своего “харизматического конкурента”. Иначе говоря, стоящие у кормила церковного иерархи стремились оформить с царством “мирный развод” (если не отделить, то отдалить церковь от государства). Но на пути к этому имелось непреодолимое препятствие — императорская власть. Потому ее свержение и замена народовластием (светским правлением) сулило высшему духовенству немалые и разносторонние выгоды.

⁴ О причинах Революции 1917 г. см. подробнее [Миронов 2013; Миронов 2015, т. 3, с. 676–709].

Несмотря на отсутствие в целом юридического отречения от престола Дома Романовых⁵, Св. синод 6–8 марта распорядился изъять из богослужебных чинов поминовение царской власти, в соответствии с чем были внесены изменения в молитвословия всех богослужебных кругов: в суточный, недельный и годичный. В результате царская власть в церкви (соответственно, в обществе, в государстве) оказалась уничтоженной “духовно”, то есть фактически оказалась предана церковно-молитвенному забвению и стала поминаться в прошедшем времени. Хотя до решения Учредительного собрания о форме власти в России говорить об упразднении царского правления можно было лишь теоретически [Бабкин 2011, с. 197–233].

Можно сказать, что священнослужителям принадлежит временный приоритет в узаконивании российской демократии (народовластия). Если Россия была провозглашена А. Керенским республикой 1 сентября 1917 г. — через шесть месяцев после революционных событий февраля–марта 1917 г., то Св. синодом “молитвенно-духовно” (и “богословски”, и “богослужебно”) это было сделано уже буквально через шесть дней. Отменив какое-либо поминовение царской власти, Св. синод тем самым фактически упразднил государственно-религиозные праздники Российской империи — “царские дни” до соответствующего правительственного постановления, выпущенного 16 марта⁶.

Смена государственной власти, произошедшая в России 2–3 марта, носила временный характер и теоретически была обратима (в том смысле, что “думскую” монархию возможно было *de jure* реформировать в конституционную). За такой вариант выступала, в частности, Партия народной свободы, она же Конституционно-демократическая партия — кадеты (точнее — их правое крыло). Члены же Св. синода в своих “республиканских устремлениях” в марте 1917 г. фактически оказались левее кадетов. Духовенству ПРЦ принадлежит приоритет и в изменении государственной, исторически сформировавшейся монархической идеологии Российской империи. Св. синод уже 7–9 марта официально отрешился от второй составляющей лозунга “за Веру, Царя и Отечество”. 9 марта 1917 г. им было выпущено послание “К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий” и объявлена “для исполнения” по духовному ведомству “Присяга или клятвенное обещание на верность службы Российскому Государству для лиц христианских вероисповеданий”, утвержденная Временным правительством 7 марта (Вестник Временного правительства. Пг.: 1917. № 4. 9 марта, с. 1).

Члены Св. синода, приведя православную паству к присяге на верность Временному правительству и не освободив народ от действовавшей присяги на верноподданство императору, сподвигли по сути российских граждан на клятвopепреступление. Показателем радикальной настроенности членов “царского” состава Св. синода служит и тот факт, что формы церковных (ставленнических) присяг, принятые ими 24 марта 1917 г., по

⁵ В “Акте об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти” от 3 марта, в частности, говорилось: “Принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную (царскую. — М.Б.) власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит... в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему... прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству... впредь до того, как... Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа” (Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг.: 1917. № 54. 6 марта. Отд.1. Ст. 345. С. 534). То есть речь шла не об отречении великого князя от престола, а о невозможности занятия его без ясно выраженной на это воли всего народа России. Великий князь (некоронованный император?) Михаил Александрович предоставлял выбор формы государственного правления Учредительному собранию. До созыва же этого собрания он доверил управление страной созданному по инициативе Государственной думы Временному правительству. Его намерение основывалось на имевших место в российском обществе мнений о возможности существования в России конституционной монархии.

⁶ “Царские дни” имели статус государственных праздников и объединяли собой дни рождения и тезоименитств государя императора, его августейшей супруги и наследника, дни восшествия на престол и коронация их императорских величеств. Эти “дни” носили ярко выраженный религиозный характер: накануне их обязательно служилось всенощное бдение, в сами дни совершались торжественные молебны “о здравии, благоденственном и мирном житии” высочайших особ, а также крестные ходы. В дни восшествия на престол и коронации, как и на пасхальной седмице, полагался целодневный звон (Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг.: 1917. № 124. 2 июня. Отд.1. Ст. 668. С. 1068).

своему содержанию оказались левее государственной присяги, введенной Временным правительством 7 марта [Бабкин 2011, с. 197–257].

Уже к концу марта 1917 г. все места богослужебных, ставленнических и других чинов ПРЦ, где ранее поминалась царская власть, были исправлены Св. синодом. Изменения заключались в буквальной замене поминовения императора и лиц Царствующего (по версии Св. синода – “царствовавшего”) Дома на поминовение “благоверного Временного правительства”. Однозначная замена царской власти на народовластие не соответствовала политическому положению страны того периода, потому что образ правления в России должно было установить только Учредительное собрание (потенциально – высший орган государственной власти). Содержание же измененных книг соответствовало республиканскому устройству России как якобы свершившемуся факту.

Действия Св. синода в первые недели Февральской революции свидетельствовали о нежелании его членов дожидаться соответствующего решения Учредительного собрания относительно образа правления в России. Причем они носили безапелляционный характер и указывали, что органом высшего церковного управления выбор сделан в пользу становления новой власти, а не “реставрации” монархии. В результате такой позиции церковной власти – с учетом влияния подведомственного ему духовенства на 100-миллионную православную паству – была по сути ликвидирована вероятность монархической альтернативы политического развития России. И революция, опираясь и на ряд других факторов, получила необратимый характер. Это дает основание утверждать, что члены Св. синода в марте 1917 г. осуществили определенное воздействие на политический строй Российского государства [Бабкин 2011, с. 197–257].

Среди различных факторов, повлиявших в начале Февральской революции на судьбу монархии, одним из решающих было отношение духовенства ПРЦ к институту царской власти. Сама власть императора как помазанника Божия имела духовную основу именно в православии. Потому с большой долей уверенности можно утверждать, что если бы Св. синод в судьбоносные для царя и страны февральско-мартовские дни 1917 г. принял в отношении монархии находящиеся в его компетенции охранительные меры, то политические события и в столице, и на местах пошли бы по иному сценарию. Члены Св. синода, с первых чисел марта 1917 г. взяв курс на установление в России республиканского правления, в определенном смысле проявили политическую близорукость. Пойдя навстречу Временному правительству и поддержав свержение монархии, они оказались не способны предвидеть дальнейшее развитие политических событий, просчитать последствия своих решений и остановить расползание революции. Февральский же “этюд” оказался лишь “увертурой” Октября.

Царская власть в многонациональной и многоконфессиональной России, с ее разным уровнем социально-экономического развития огромных территорий служила системообразующим стержнем. И последствия исчезновения этого стержня теоретически можно было предвидеть, как предвидел это один из лидеров кадетской партии П. Миллюков, открыто выступавший за установление конституционно-монархического правления [Миллюков 2001, с. 49–51]. Однако на протяжении всего 1917 г., невзирая на череду кризисов власти и нарастание в стране центробежных явлений, никакой корректировки политического курса РПЦ “вправо” проведено не было. Официальное духовенство не рассматривало в тот период в России (вплоть до созыва Учредительного собрания) возможность конституционно-монархической альтернативы народовластию [Бабкин 2011, с. 258–267].

Действия высшей церковной иерархии в период февральско-мартовских событий 1917 г. оказали заметное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Они послужили одной из причин “безмолвного” исчезновения с российской политической сцены правых партий, православно-монархическая идеология которых с первых чисел марта 1917 г. фактически лишилась поддержки со стороны официальной церкви.

Епископату и приходскому духовенству ПРЦ, исполнявшим в порядке внутрицерковной дисциплины распоряжения Св. синода, принадлежит одна из определяющих ролей в установлении на местах новой власти. При этом формы воздействия

священнослужителей на общественно-политическое сознание паствы весной 1917 г., с одной стороны, были традиционные: проповеди, печатные воззвания, тиражирование резолюций своих собраний и съездов, служения молебнов, крестных ходов и проч. С другой стороны, многие из них носили печать митинговой демократии. Это выразилось в широком участии духовенства в революционных торжествах — “праздниках революции”, “днях похорон жертв освободительного движения”, 1 Мая и проч. Эти “праздники”, проходившие под красными знаменами, под музыку и песни революции, благодаря участию в них пастырей и архипастырей ПРЦ (нередко выступавших и на митингах), “освящались” авторитетом церкви и приобретали оттенок православных торжеств. Соответственно, верующие начинали воспринимать эти праздники как “свои”. Тем самым в общественном сознании легитимировались и новая власть, и новые мелодии, и новые символы [Бабкин 2011, с. 277–395]. Действия, предпринятые в послефевральский период 1917 г. духовенством в центре и на местах (и Св. синодом, и епископатом, и приходским духовенством), способствовали, в целом, смещению влево спектра общественно-политических настроений православной паствы.

Массовая поддержка со стороны клириков ПРЦ свержения самодержавия во многом была обусловлена позицией Св. синода по отношению к февральско-мартовским событиям 1917 г. Действия духовенства, направленные на придание революции легитимности, шли “сверху” — от Св. синода к епархиальным архиереям и к приходским пастырям. Вместе с тем Св. синод выполнял и “карательную функцию” по отношению к “контрреволюционно” настроенному духовенству, проповедовавшему, в частности, о сложившемся в стране “междоусобии” [Бабкин 2011, с. 396–406].

Политика, проводимая весной и летом 1917 г. центральной и местными духовными властями, а также Временным правительством, свидетельствовала об их союзе по многим вопросам: об отношении к изменению в стране формы правления, о предоставлении народу гражданских свобод, доведении войны до победного конца и проч. Призывы российского духовенства к миру, спокойствию, созидательному труду и к повиновению государственной власти стали широко звучать лишь после прихода к власти Временного правительства. Раздаваясь с амвонов, со страниц епархиальных и других изданий, эти призывы побуждали народ к повиновению новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых и тем самым фактически узаконивали Февральскую революцию. По словам князя Н. Жевахова, российская “революция явила всему миру портретную галерею революционеров, обличенных высоким саном пастырей и архипастырей Церкви” [Жевахов 1993, с. 278–279]. Разногласия между церковью и государственной властью возникли лишь после 20 июня 1917 г. — дня выпуска Временным правительством постановления о передаче церковных школ в ведение Министерства народного просвещения (Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг.: 1917. № 182. 4 августа. Отд. I. Ст. 1014, с. 1818–1819).

Социально-политическая активность духовенства начала спадать приблизительно с июля 1917 г. Его революционные иллюзии и энтузиазм стали рассеиваться с наступлением общего разочарования граждан России в политике Временного правительства. Во внутрицерковной жизни весной и летом ясно обозначился кризис власти. Иерархи стремительно теряли контроль над приходскими священниками. В свою очередь, сами священники все больше и больше ощущали на себе возрастающую требовательность и непокорность как прихожан, так и своих подчиненных пономарей и псаломщиков. Весной и летом 1917 г., на фоне широкого отхода общества от церкви, среди части паствы усилились воинствующие антиклерикальные настроения. Все эти факторы в совокупности обусловили резкое снижение церковных доходов, затронув тем самым материальные интересы российского духовенства. В результате в духовной среде начало расти недовольство сложившейся в стране политической и социальной обстановкой. Священнослужители стали придерживать более правых взглядов и даже переходить в оппозицию революции. Тревога о грядущих судьбах России, ее народа и православной церкви зазвучала в июле-августе и в проповедях епархиальных архиереев. К концу октября духовенство

стало склоняться к идее необходимости установления централизованной “сильной власти” если не в государстве, то в ПРЦ [Бабкин 2011, с. 407–417].

15 августа 1917 г. состоялось открытие Поместного собора ПРЦ, проработавшего более года. На нем 5 ноября патриархом Московским и всея России был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин), возведенный в этот сан 21 числа того же месяца. В результате восстановления патриаршества и реформирования внутрицерковного управления церковные полномочия царя в области церковно-правительственного управления (юрисдикции), охраны вероучения и контроля за церковным благочинием в полной мере перешли к духовенству. Если до Октябрьской революции церковные права императора Временное правительство и Св. синод негласно делили между собой, то после нее эта сфера полностью оказалась в руках высших органов церковной власти. С учетом же того, что Дом Романовых не отрекался от престола и во время разработки и принятия Поместным собором постановлений об управлении ПРЦ⁷ помазанник Божий находился в заточении, можно утверждать: на Поместном соборе была осуществлена узурпация высшим духовенством прав императора в области церковного управления [Бабкин 2011, с. 453–461, 471–496].

Поместный собор фактически продолжил политическую “линию Февраля”, начатую Св. синодом в первые дни весны 1917 г. Все поступавшие к нему предложения о необходимости пересмотреть позицию ПРЦ в отношении свержения монархии – его руководящим звеном или пресекались, или не допускались до рассмотрения. А что и было допущено – то не было доведено до выработки даже проекта какого-либо решения. Вместе с тем на соборе коренным образом был изменен 11-й анафематизм чина “Недели Православия”. Анафема, грозившая “дерзающим на бунт и измену” против царя, была переориентирована на возводивших хулу на православную церковь, на посягающих на ее собственность и жизнь духовенства [Бабкин 2011, с. 525–558].

Духовенство ПРЦ и Октябрьский переворот

На Октябрьский переворот высшие органы церковного управления фактически не отреагировали. Они не оказали никакой поддержки тому правительству, которое с первых чисел марта 1917 г. в вероучительных текстах наименовали “благоверным” и объявили правящим по “повелению Божией Матери” (см., например, Богородичный тропарь утрени, введенный Св. синодом 7–8 марта⁸). Вплоть до начала декабря 1917 г. духовенство в отношении советской власти занимало выжидательную позицию. Причем некоторые священнослужители даже возлагали на большевиков определенные надежды. Так, епархиальные архиереи Петрограда и Москвы полагали, что новая власть будет

⁷ Главным образом, имеются в виду принятые Поместным собором 4 ноября, 2, 7 и 8 декабря 1917 г. “Общие положения о высшем управлении Православной Российской Церкви”, “О правовом положении Православной Российской Церкви”, “О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете”, “О правах и обязанностях святейшего патриарха Московского и всея России” и “О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления”.

⁸ В богородичном тропаре утрени (богослужении, начинающем ряд дневных служб) после произведенной 7–8 марта 1917 г. Св. синодом замены поминовения царя на “Благоверное Временное правительство”, по всем церквам ПРЦ должны были произноситься такие слова: “Всепетая Богородице... спаси благоверное Временное правительство наше, *ему же повелела еси правити* (курсив мой. – М.Б.), и подаждь ему с небесе победу”. Этим “вероучительным” молитвословием Синод фактически провозгласил тезис о божественном происхождении власти Временного правительства (Церковные ведомости. Пг.: 1917. № 9–15, с. 59; Там же. Бесплатное приложение к № 9–15, с. 4, Бесплатное приложение [1-е] к № 22, с. 2). Причем процитированное песнопение было весьма распространенным. Оно читалось не только на утрени, но и в чине освящения воинских знамен и последовании двух молебнов: первый из них – “певаемый во время брани против супостатов”, а второй – “певаемый во время брани против супостатов, находящихся на ны (на нас. – М.Б.)”. Все три названных чинопоследования в условиях Первой мировой (или Великой) войны были весьма актуальны. Тезис о происхождении новой власти “свыше”, наряду с передачей на богослужениях Временному правительству “царского” титула (“благоверный”), можно расценивать как некий показатель того, что Временному правительству со стороны Св. синода была придана определенная “харизма” (хотя бы и в терминологии).

заботиться “только о благе русского народа”, что она “водворит порядок на Руси, право и правду, обеспечит свободу” [Бабкин 2011, с. 559–570].

Позже, когда советская власть стала ущемлять церковные интересы, Поместный собор и Св. синод стали или игнорировать ее постановления, или же принимать решения обратного характера. То есть священство попыталось оказывать своеобразное противодействие большевистскому “царству”. Вместе с тем органы церковной власти были озабочены по сути лишь своими интересами. “Отрешаясь от политики”, они, например, не отреагировали на разгон большевиками Учредительного собрания и вплоть до расстрела царской семьи не вспоминали о ее участии [Бабкин 2011, с. 525–541, 571–592].

С третьей декады января 1918 г. для ПРЦ начался новый исторический этап. Во исполнение советского декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (Газета Рабочего и крестьянского правительства. Пг.: 1918. № 15. 23 января, с. 1) и других соответствующих ему постановлений, ПРЦ своим статусом была приравнена к частным обществам и союзам. Большевики не только не предоставили ПРЦ прав юридического лица (которых она до этого, повторю, и не имела), но и все ее структурные установления лишили прав юридического лица и права собственности. Ей было отказано в каких-либо субсидиях от государства, ее собственность объявили народным достоянием. Таким образом, православная церковь фактически оказалась “вне закона” Страны Советов.

В ответ на это духовенство начало выражать протесты правительству, в частности, проводить крестные ходы и публичные молебны о прекращении “воздвигнутых на Церковь Божию гонений”. Однако эти меры не принесли желаемого результата: в большевистском “царстве” духовенство было по сути беззащитным и бесправным [Бабкин 2011, с. 571–592]. Но все эти реалии в определенной мере были обусловлены официальной политической позицией самого духовенства ПРЦ в предшествующий – послефевральский период 1917 г.

“Двойственная” позиция епископата в отношении верховной власти в начале XX в., фактическое участие высшего духовенства в свержении монархии⁹, а также восстановление в ноябре 1917 г. на Поместном соборе ПРЦ патриаршества дают основание для продолжения исследования церковно-государственных отношений в России с учетом проблемы “священства-царства”. Актуальность этого исследования подтверждают наблюдающиеся с рубежа XX–XXI вв. тенденции к постепенной клерикализации российского общества и усилению внутрицерковной власти епископата.

Эпоха 1917–1918 гг. принесла для ПРЦ, по большому счету, типичные для всех революций результаты: смену элит и передел собственности. В начале в пользу духовенства в стране изменилась харизматическая власть: царскую сменила патриаршая. Затем в пользу светско-советского “царства” произошел передел церковной собственности.

Положение Русской православной церкви в постсоветской России

После же известных (фактически – революционных) политических событий рубежа 1980–1990 гг. для Русской православной церкви (РПЦ) наступило “время благоприятно”. При очередном переделе собственности, проходившем в тот период в стране, значительная часть церковного имущества, изъятого в свое время советским государством, была возвращена своим прежним “хозяевам”. Сопровождавшая же соответствующие преобразования в стране смена “светских” элит не коснулась внутренней организации Русской православной церкви. В отсутствие “харизматической конкуренции” между церковью и светским, лишенным сакрального содержания

⁹ Подчеркну, что речь идет о свержении не в личностном, а в общем плане: не о свержении императора Николая II, а об уничтожении самой царской власти как харизматического института.

“царством”, были установлены те формы взаимоотношений, в пользу которых в начале декабря 1917 г. по существу и высказывался Поместный собор. То, за что духовенство боролось в период с начала XX в. по 1917 г. включительно, ему удалось получить в 1990-е гг.¹⁰ И в современной России между церковью и государством установились такие взаимоотношения, которые названы патриархом Московским и всея Руси Алексием II († 2008) “близкими к идеальным” (<http://rian.ru/society/20090206/161125746.html>). “Уровень свободы, которым мы пользуемся, беспрецедентный не только по сравнению с советским временем, но и с синодальным периодом в Российской империи, когда Церковь была редуцирована до уровня министерства по духовным делам” – констатировал 2 декабря 2016 г. патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Российская газета 3 декабря 2016 г.: <https://rg.ru/2016/12/03/patriarh-kirill-rasskazal-ob-otnosheniiakh-cerkvi-i-gosudarstva-v-rossii.html>).

В целом, если судить по положению церкви в царской России и нынешнему состоянию вещей, то можно констатировать, что в XX в. на “харизматическом фронте” священство взяло верх над “царством”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Л.А. (2009) Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 90–99.

Бабкин М.А. (2011) *Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.)*. Исследования и материалы. М.: Индрик.

Бабкин М.А. (2015) Устав Русской православной церкви: допустимо ли отождествление РПЦ и ПРЦ? // *Общественные науки и современность*. 2015. № 1. С. 108–114.

Вяткин В.В. (2010) Между наукой и богословием. О проблемах церковной историографии // *НГ-религии*. № 9 (269). С. 7.

Жевахов Н.Д. (1993) *Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова*. В 2 тт. Т. 2. М.: Родник.

Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. (2008) *Иерархия Русской Православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху*. М.: Русская панорама.

Лобанов В.В. (2008) *Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.)*. М.: Русская панорама.

Милюков П.Н. (2001) *История второй русской революции*. М.: РОССПЭН.

Миронов Б.Н. (2015) *Российская империя: от традиции к модерну*. В 3 тт. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин.

Миронов Б.Н. (2013) Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 72–84; № 3. С. 106–115.

Рогозный П.Г. (2008) *Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции)*. СПб.: Лики России.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) (2008) / Сост., авт. предисловия и комментариев М. Бабкин. М.: Индрик.

Соколов А.В. (2015) *Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.* Автореф. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. (<https://disser.spbu.ru/disser2/483/aftoreferat/Sokolov-Autoreferat.pdf>).

¹⁰ Анализ отношений иерархов к царской власти, взаимоотношений церкви и государства в XX–XXI вв. позволяет выявить одну из весьма устойчивых тенденций исторического развития РПЦ: точнее – в период, начавшийся после свержения монархии в России. Она заключается в неуклонном возрастании роли епископата во внутрицерковном управлении, в постепенной абсолютизации архиерейской власти, в первую очередь – власти “первого епископа”.

The Clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the Monarchy: “the Priesthood” vs “Kingdom”

M. BABKIN*

***Babkin Mikhail** – doctor of sciences (History), professor of Russian state university for the humanities. Address: 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993. Russian Federation. E-mail: babkin.mikhail@gmail.com

Abstract

The article highlights the situation of the Orthodox Church in Imperial Russia, referred to the dissatisfaction of the higher clergy participation of the Emperor in matters of Church government, considered the political position of the clergy in the period of February 1917. The motives of the higher clergy explains in the mainstream of historical-theological problems of the “priesthood and kingdom.”

Keywords: Orthodox Church, Church hierarchical authority, Church authority of the Emperor, the Revolution of 1917, the overthrow of the monarchy, the reestablishment of the Patriarchate.

REFERENCES

- Andreeva L.A. (2009) Sverzhenie monarhii v 1917 godu: krushenie Trona i Altarya [The overthrow of the monarchy in 1917: the collapse of the Throne and Altar]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 90–99.
- Babkin M.A. (2011) *Svyaschenstvo i Carstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.)*. Issledovaniya i materialy [Priesthood and Kingdom (Russia, early 20th century – 1918). Researches and materials]. Moscow: Indrik.
- Babkin M.A. (2015) Ustav Russkoy pravoslavnoy cerkvi: dopustimo li otozhdestvlenie RPC i PRC? [Statute of the Russian Orthodox Church: whether the identification of the ROC and the ORC?]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 108–114.
- Lavrov V.M., Lobanov V.V., Lobanova I.V., Mazirin A.V. (2008) *Ierarhiya Russkoy Pravoslavnoy cerkvi, patriarshestvo i gosudarstvo v revolyucionnuyu epohu* [The Hierarchy of the Russian Orthodox Church, the Patriarchate and the state in the revolutionary era]. Moscow: Russkaya panorama.
- Lobanov V.V. (2008) *Patriarh Tihon i sovetskaya vlast (1917–1925 gg.)* [Patriarch Tikhon and soviet power (1917–1925)]. Moscow: Russkaya panorama.
- Milyukov P.N. (2001) *Istoriya Vtoroy russkoy revolyucii* [The Story of the second Russian revolution]. Moscow: ROSSPEN.
- Mironov B.N. (2015) *Rossiyskaya imperiya: ot tradicii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. In 3 vols, vol. 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Mironov B.N. (2013) Russkaya revolyuciya 1917 goda v kontekste teorii revolyucii [The Russian revolution of 1917 in the context of theories of revolution]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 72–84; no. 3, pp. 106–115.
- Rogozniy P.G. (2008) *Cerkovnaya revolyuciya 1917 goda. (Visshee duhovenstvo Rossiyskoy Cerkvi v borbe za vlast v eparhiyah posle Fevral'skoy revolyucii)* [The Ecclesiastical revolution of 1917. (The higher clergy of the Russian Church in the struggle for power in dioceses after the February revolution)]. St. Petersburg: Liki Rossii.
- Rossiyskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu. (Materiali i arhivnye dokumenti po istorii Russkoy pravoslavnoy cerkvi)* (2008). Sost., avt. predisloviya i kommentariy M. Babkin [Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917. (Materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church). Comp., ed. preface and comments by M. Babkin]. Moscow: Indrik.
- Sokolov A.V. (2015) *Gosudarstvo i Pravoslavnaya cerkov v Rossii, fevral 1917–yanvar 1918 gg. Avtoref. na soisk. uch. step. dokt. ist. nauk*. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena [The State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918] (<https://disser.spbu.ru/disser2/483/aftoreferat/Sokolov-Autoreferat.pdf>).
- Vyatkin V.V. (2010) Mezhdru naukoj i bogosloviem. O problemah cerkovnoy istoriografii [Between science and theology. About problems of church historiography]. *NG-religii*, no. 9 (269), p. 7.
- Zhevakhov N.D. (1993) *Vospominaniya tovarischa ober-prokurora Sv. Sinoda knyazya N.D. Zhevahova*. [Memories of comrade Procurator of St. Synod of Prince N.D. Zhevakhov]. 2 vols, vol. 2. Moscow: Spring.